

Сергей Станиславович ПАШИН¹
Наталья Сергеевна ВАСИХОВСКАЯ²

УДК 94(571.12)+621.3

**РАЗВИТИЕ ДВИЖЕНИЯ ЗА КОММУНИСТИЧЕСКИЙ
ТРУД НА ТЮМЕНСКОМ СУДОСТРОИТЕЛЬНОМ ЗАВОДЕ
В ГОДЫ СЕМИЛЕТКИ (1959-1965): ОПЫТ
МИКРОИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

¹ доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории,
Тюменский государственный университет
pashin-s@yandex.ru

² кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории,
Тюменский государственный университет
vasichovskay@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению движения за коммунистический труд на Тюменском судостроительном заводе в годы семилетки (1959-1965 гг.). Авторы стремятся наполнить исторический нарратив конкретными фактами, связанными с особенностями и спецификой такого явления, как движение за коммунистический труд, рассматривая его в контексте микроистории и как важнейший элемент производственной повседневности. В центре внимания авторов работы оказался коллектив крупнейшего промышленного предприятия советской Тюмени — судостроительного завода в конкретно-исторических обстоятельствах. Представленная статья написана с привлечением широкого круга архивных документов, извлеченных из фондов Государственного архива Тюменской области, а также фондов Государственного архива социально-политической истории Тюменской области, на основании изучения которых авторы приходят к заключению о том, что движение за коммунистический труд мало влияло на производственные успехи заводского коллектива.

Цитирование: Пашин С. С. Развитие движения за коммунистический труд на Тюменском судостроительном заводе в годы семилетки (1959-1965): опыт микроисторического исследования / С. С. Пашин, Н. С. Васиховская // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Том 5. № 2. С. 153-172. DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-153-172

Ключевые слова

Движение за коммунистический труд, Тюменский судостроительный завод, семилетка, производственная повседневность, микроистория.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-153-172

Введение

Годы семилетки — важный период истории СССР, во многом предопределивший дальнейший вектор развития советской экономики и общества в целом на протяжении 1960-1980-х гг. В 1959-1965 гг. заметным событием в экономической и общественной жизни СССР стало зародившееся в ноябре 1958 г. движение за коммунистический труд.

В свое время этому движению были посвящены сотни, если не тысячи, публицистических, научно-популярных и научных работ, и его изучение, на первый взгляд, утратило какую-либо актуальность еще в конце 1980-х гг. Однако все зависит от того, как подойти к анализу того или иного явления. Изучение движения представляется в высшей степени актуальным по крайней мере по двум причинам.

Во-первых, в современной России остро ощущается кризис мотивации наемного труда. Многие компании сегодня сталкиваются с проблемами, связанными со стимулами к труду, включая недостаточную мотивацию, пьянство на работе и т. д. В условиях подобного кризиса, как отмечают некоторые исследователи, необходимо проведение детального и сравнительного анализа вопросов стимулирования мотивации наемного труда на протяжении длительного времени [2, с. 206; 34, с. 35].

Во-вторых, мы рассматриваем движение за коммунистический труд как важный элемент производственной повседневности, а проблематика истории повседневности во многом перекликается со сферой интересов микроистории, являя собой «микромир», в центр которого помещен человек или коллектив, социальная группа, существующая в конкретно-исторических обстоятельствах, как часть более общего социального организма [28, с. 17]. Тем самым достигается интеграция различных направлений социальной истории.

Основная часть

Обращение к методам микроистории, если использовать терминологию картографии, означает не только изменение масштаба изображения, но и получение совсем другой по содержанию реальности [33, с. 113]. Изучение движения за коммунистический труд на одном из заводов Тюмени в годы семилетки позволит на микро- и локальном уровнях хотя бы частично приблизиться к решению более широкой проблемы взаимодействия общества и власти в хрущевскую эпоху.

Одним из главных лозунгов социальной истории является «необходимость возвращения из области абстрактного теоретизирования, от придуманных спе-

циалистами клише и категорий, которыми в действительности никогда не оперировали обычные люди, от часто субъективных обобщений и типизации — к живой исторической конкретике, к фактам, подробностям, казусам, уникальным, а не только типичным ситуациям, к биографиям конкретных людей — к тем самым „мелким деталям“, которые традиционная история, как правило, опускает, считая их несущественными, но без которых она превращается из яркого благоухающего растения в высушенное, блеклое его подобие» [28, с. 8-9].

Подобная трактовка социальной истории обусловила наше обращение к наработкам истории повседневности и микроистории. За последние два десятилетия только на русском языке опубликованы десятки теоретических работ, посвященных развитию, предмету, методам исследования истории повседневности. Исследователи не пришли к общему мнению, что понимать под термином «повседневность» и, скорее всего, едва ли когда-нибудь единодушно примут то или иное определение.

Академик Ю. А. Поляков в своей известной программной статье 2000 г. вполне обоснованно отметил, что «проблематика „Человек в повседневности“ ближе всего к тому направлению, которое именуют социальной историей. Отличие прежде всего в большей „заземленности“, большей конкретности, детализированности» [32, с. 127].

В исторической науке сложилось два понимания истории повседневности — как приема реализации методики микроисторического анализа и как реконструкции ментального макроконтекста событийной истории [1, с. 18]. Мы придерживаемся первого подхода, который — применительно к изучению социальной истории XX в. — многими исследователями, на наш взгляд, справедливо ассоциируется с именами современных немецких историков А. Людтке и Х. Медика, а также московского исследователя С. В. Журавлёва.

В трактовке А. Людтке неразрывно связанная с микроисторией история повседневности — это «история снизу»; «в такой же степени она критична по отношению к тезису об анонимных структурах, якобы предопределявших ход истории» [31, с. 53].

Мы отдаем себе отчет в том, что сами понятия микро- или макрообъектов весьма относительны. В зависимости от ситуации один и тот же предмет или процесс может выступать как объект и макро-, и микроисследования. К примеру, любой завод при желании может рассматриваться как объект микроисследования, однако, при характерной для советского времени цепочке производственных связей (рабочий — коллектив бригады — коллектив цеха — коллектив предприятия), по отношению к цеху и тем более к бригаде он выступает уже как макрообъект.

С. В. Журавлёв предлагает «идти к пониманию насыщенного стереотипами и „белыми пятнами“ советского прошлого и его ключевых проблем путем проведения его предварительной „пункции“ — через детализированную, углубленную документальную реконструкцию пробных „отрезков“ (или „срезов“) истории с помощью микроанализа, через изучение биографий, исследование

микросоциумов и микрообъектов, через *case studies*, изучение конкретных жизненных ситуаций и т. д.» [29, с. 10-11].

Таким образом, наша статья тяготеет к локальным исследованиям, которые опираются на методы микроистории и стремятся к пониманию глобальных процессов через малое и частное.

В качестве примера взято крупнейшее промышленное предприятие советской Тюмени — судостроительный завод [13, л. 111; 27, л. 10]. Как и на большинстве предприятий города, движение за коммунистический труд на заводе началось по инициативе заводской партийной организации. На состоявшемся 24 декабря 1958 г. партсобрании, посвященном итогам ноябрьского пленума ЦК КПСС, секретарь партбюро С. В. Васильев упомянул в своем докладе о новом почине, в прениях его поддержали двое заводских начальников (и членов партбюро), после чего появилось постановление: «Еще шире распространить великий почин молодежи по созданию бригад коммунистического труда. Создать нормальные условия для их работы, оказывать содействие в быстрейшем повышении их политического и общественного уровня. Практиковать периодически совещания бригад коммунистического труда по обмену опытом работы» [4, л. 23-25]. Общее руководство соревнованием было возложено на заводской комитет профсоюза.

Состоявшееся 25 марта 1959 г. открытое партсобрание было специально посвящено работе заводского комитета. В докладе председателя завкома (и члена партбюро) Г. П. Верганова говорилось о том, что на заводе организовано восемь бригад, борющихся за звание бригад коммунистического труда, многие из которых добились хороших результатов в деле выполнения взятых на себя обязательств. Заводской комитет, обсуждая работу данных бригад, вынес решение ежемесячно, совместно с комитетом комсомола, подводить итоги среди этих бригад и определять победителей в соревновании [16, л. 4].

Разумеется, в работе завкома выявились и определенные недостатки: заводской комитет, хотя и принял решение по подведению итогов соревнования среди бригад, «но вплотную этими бригадами не занялся и мало оказал помощи в этом вопросе цеховым комитетам. Мы не добились еще от администрации создания нормальных условий по загрузке рабочих мест среди бригад, а это приводит к простоям их» [16, л. 9].

Обсудив работу завкома, участники собрания обязали заводской комитет, цеховые партийные организации и начальников цехов развернуть работу по дальнейшему увеличению бригад коммунистического труда [4, л. 45]. После подобного постановления заводские партийные инстанции словно забыли о движении вплоть до февраля 1960 г.

Что касается подведения итогов соревнования среди бригад-«борцов», то подобное решение завком действительно принял, причем еще в конце февраля 1959 г., однако идея ежемесячного подведения итогов так и не была реализована. За весь 1959 г. победитель определялся только на трех заседаниях завкома — в апреле, июне и августе, причем лучшей неизменно называлась бригада Д. С. Рыкованова [15, л. 47, 65, 113].

Уже при новом директоре завода П. П. Потапове 10 февраля 1960 г. партбюро принимает, можно сказать, судьбоносное для завода решение, обязав как начальников цехов и отделов, так и секретарей цеховых партийных организаций «лично возглавить организацию соц. соревнования... способствовать развитию движения за увеличение количества бригад и ударников коммунистического труда» [5, л. 32-33], а состоявшееся 11 дней спустя партийное собрание возложило ответственность за развитие движения на партийное бюро, заводской комитет профсоюза, цеховые партийные и профсоюзные организации [6, л. 41].

С марта 1960 г. на заседаниях завкома стали довольно регулярно называть цеха, в которых слабо проводилась работа по организации и созданию бригад, борющихся за звание коммунистических [19, л. 58-60, 120, 193, 214], а члены партбюро ввели практику заслушивания отчетов начальников цехов и секретарей цеховых парторганизаций. Метод, избранный партбюро, оказался весьма эффективным: если в конце августа 1959 г. в многотысячном коллективе боролись за почетное звание только 9 бригад численностью 93 человека, то к 1 апреля 1960 г. — 21 бригада (218 человек), а к 1 декабря 1960 г. — 2 цеха (564 человека), 6 участков (229 человек) и 65 бригад (350 человек). Кроме того, 72 человека стремились стать ударниками [25, л. 108; 26, л. 57].

Лидерами соревнования долгие месяцы считались коллективы трех цехов. Как отмечалось на заседании партбюро от 30 марта 1960 г., «в цехе № 3 борются за звание... 12 бригад с охватом около 150 человек, в цехе № 11 — три бригады с охватом 22 чел., в цехе № 9 — пять бригад с охватом 54 чел.» [5, л. 38]. Вскоре коллектив цеха № 3 в полном своем составе взял на себя обязательство «бороться за высокое звание называться цехом коммунистического труда» [5, л. 46]. Правда, в те же месяцы коллектив цеха (вместе с цехом № 9) «отличился» выпуском бракованной продукции, однако подобные «мелочи» замечали только представители заводской администрации [6, л. 37, 39].

В мае-июне 1960 г. состоялись первые присвоения почетных званий. Протоколы заседаний завкома крайне лаконичны при изложении этих, казалось бы, знаменательных в жизни заводского коллектива событий. Согласно протоколу заседания от 12 мая 1960 г., «по вопросу присвоения звания ударников коммунистического труда слушали т. Суровцева (и. о. председателя завкома на период отпуска Г. П. Верганова. — *Авт.*). Постановили: Утвердить протокол решения цеха № 5 о присвоении звания ударников коммунистического труда тт. Караваяеву С. А. и Золотоглавому Д. Ф.» [19, л. 111]. В оправдание составителей протокола можно отметить, что оба токаря были известными на заводе людьми: первый был депутатом Верховного совета РСФСР, а второй — секретарем цеховой партийной организации, к тому же начальник цеха № 5 Г. Д. Малыгин был членом завкома и присутствовал на том заседании.

Заседание от 9 июня 1960 г. не рассматривало итоги работы завода за предыдущий месяц, поэтому на нем присутствовали только члены завкома, которые ограничились бюрократической процедурой. В повестке дня заседания указано три вопроса: «Утверждение протокола цехового комитета цеха

№ 11... Слушали: протокол цехового комитета цеха № 11. Постановили: Одобрить решение цехового комитета цеха № 11 о присвоении бригаде Меньшикова звания КОММУНИСТИЧЕСКОЙ...» [19, л. 123].

Из позднейших документов следует, что речь шла о бригаде из четырех плотников во главе с А. А. Меньшиковым. В феврале 1964 г. все четверо входили в бригаду столяров Н. И. Грачева, которой присвоили почетное звание. Несколько месяцев спустя, при проверке составленного в мае 1964 г. списка заводских бригад и ударников, ошибка обнаружилась. Кто-то зачеркнул все четыре фамилии под 1964 г., приписав «присвоено дважды» и «1960» [22, л. 29; 23, л. 17]. Напрашивается вывод, что четверо рабочих к 1964 г. успели забыть о своей роли в истории движения за коммунистический труд в масштабах родного завода.

В сентябре 1960 г. на заводе появился третий ударник. Им стал Б. А. Молодкин, электросварщик, а с ноября 1960 г. — член заводского партбюро [7, л. 1]. Протокол заседания завкома составлен в прежнем ключе: «Постановили: Протокол общего собрания цеха № 10 утвердить и присвоить звание ударника коммунистического труда э/сварщику цеха № 10 тов. Молодкину Борису Александровичу» [19, л. 192].

С октября 1960 г. движение выходит на новый этап своего развития. Всего за три месяца на заводе появилось девять новых бригад коммунистического труда: в октябре — Д. С. Рыкованова (цех № 9) и Крюкова (цех № 3), 4 ноября — Н. К. Шелудкова (цех № 10) и Н. Е. Ушакова (складское хозяйство), 21 ноября — Афанасьева, Сазонова и Шаламова (цех № 11) и, наконец, 8 декабря — две бригады (конструкторов и технологов) из технического отдела [19, л. 232, 238, 249-250]. Стиль работы завкома при этом не изменился — на его заседаниях по-прежнему без каких-либо обсуждений утверждались решения цехкомов или цеховых собраний.

Сохранившиеся в архивных делах выписки из протоколов (или сами протоколы) цеховых инстанций за 1960 г. позволяют судить, на каком основании члены завкома расширяли ряды коммунистических бригад. Упомянутые протоколы (выписки) условно можно разделить на краткий и пространный варианты. Образчиком первого является датированная 26 октября выписка из протокола собрания цеха № 10: «Слушали: Начальника цеха № 10 т. Верганова Г. П. о присвоении звания бригады коммунистического труда. Постановили: Присвоить звание коммунистического труда бригаде тов. Шелудкова Н. К. и просить партбюро и заводской комитет утвердить наше решение» [19, л. 233].

Покинувший пост председателя завкома только в конце августа Г. П. Верганов, как видим, не стал тратить время на обсуждение претендентов на высокое звание. Работникам цеха не оставалось ничего иного, как согласиться с мнением цехового начальства.

Пространный вариант представлен только тремя документами. Первый из них — это протокол расширенного заседания цехкома цеха № 11 от 3 ноября 1960 г. На заседании присутствовало 20 человек, причем вторым вопросом повестки дня оказалась живо интересовавшая всех присутствовавших проблема распределения квартир среди работников цеха.

Согласно протоколу, на заседании выступил председатель цехкома тов. Кривошеин, который сообщил, что поступило предложение (от кого? — *Авт.*) присвоить звание «коммунистического труда бригадам Афанасьева, Сазонова, Шаламова». О работе, трудовой дисциплине, выполнении коммунистических обязательств бригад Афанасьева, Сазонова, Шаламова говорили мастера Богданов, Кузьмин, Фефелов, затем выступили Батинев, Стеклянный, Семенов. Выступавшие «подчеркнули недостатки, которые имеются у бригад Афанасьева, Сазонова, в частности, бр.[игада] Афанасьева плохо следит за чистотой рабочего места, никто из бригад не учится. Несмотря на некоторые недостатки, бригады достойны этого почетного звания» [19, л. 240-240 об.]. Бросается в глаза, что не слишком лестная характеристика бригад отнюдь не смутила членов завкома.

В ином ключе составлен протокол общего собрания членов профсоюза технического отдела завода. Собрание началось с информации начальника отдела, далее протокол кратко пересказывает выступления двух других ораторов, суть которых сводилась к тому, что две группы из техотдела «работают образцово и вполне заслуживают высокого звания коммунистических» [17, л. 94-95]. Особенность данного протокола заключается в том, что в нем пофамильно указан состав групп-бригад. Иначе говоря, в 8 случаях из 10 члены завкома знали только фамилии бригадиров потенциальных бригад коммунистического труда, но слабо представляли себе, что за люди (и сколько) трудятся в этих бригадах. То же самое можно сказать и о бригаде сборщиков стапельного участка цеха № 9 Ф. С. Полевщикова, которой почетное звание было присвоено 12 января 1961 г. в присутствии одних членов завкома [18, л. 14-14 об.; 20, л. 7].

Два месяца спустя, 3 марта, «слушали решения цеховых комитетов» опять-таки только члены завкома, однако с этого заседания в протоколах стали указываться фамилии и профессии как бригадиров, так и простых рабочих. Фамилии явно брались из ставших более информативными протоколов цеховых собраний и заседаний цехкомов [18, л. 49-50, 53, 59-60, 69, 72-72 об.]. В тот день почетное звание было присвоено сразу 7 бригадам: по 2 приходились на вспомогательные цеха № 12 (энергоцех), № 13 (ремонтный) и складское хозяйство; еще 1 бригада (маляров) относилась к заводскому ЖКО. В тот же день почетные звания получили 15 работников участка компрессорной станции (цех № 12) и 3 ударника (2 рабочих цеха № 13 и 1 столяр из ЖКО). Все бригады не отличались многочисленностью: в 5 из них было по 2, в 2 — по 4 человека [20, л. 27-28].

В том же ключе происходило присвоение почетных званий 14 апреля 1961 г. еще 2 бригадам (вновь конструкторов и технологов) из технического отдела и 2 бригадам цеха № 11, а также 2 ударникам, среди которых оказался член завкома маляр М. К. Рыбьяков [20, л. 44]. Таким образом, всего за два заседания количество бригад коммунистического труда на заводе выросло с 11 до 22. Обращает на себя внимание тот факт, что практически все бригады трудились не в основных цехах и что в 7 бригадах насчитывалось по 2, а в 2 бригадах — по 3 человека.

Рост количества бригад сопровождался вступлением в борьбу за звание коллективов коммунистического труда (под прямым нажимом парткома и завкома) большинства цехов и иных подразделений, что позволило заводскому коллективу выполнить взятое в начале 1961 г. обязательство: в знаменательный для всей страны день 12 апреля 1961 г. он «включился в соревнование бороться за звание предприятия коммунистического труда» [8, л. 96; 10, л. 5; 21, л. 2-3].

Гонка за количественными показателями продолжилась и в последующие месяцы, хотя ее темпы заметно снизились. 20 мая 1961 г. 10 членов завкома утвердили решения цехкомов цехов № 1, № 9 и № 12 о присвоении почетных званий соответственно бригадам слесарей В. Е. Бельмесо́ва (3 человека) и Р. Ш. Гизатулина (6 человек), бригаде судосборщиков П. И. Дмитриева (4 человека, в том числе секретарь цеховой парторганизации А. И. Карнаухов), а также кислородному участку мастера А. В. Кабанова (31 человек) [20, л. 66]. Так, 13 июня звание ударника получили сразу 22 рабочих цеха № 9, а 6 сентября — 3 токарей и 1 расточник цеха № 5 [20, л. 90, 106-107]. Затем завком сделал перерыв до марта 1962 г.

Напрашивается вопрос: как повлиял рост бригад, а затем и ударников коммунистического труда на производственную деятельность заводского коллектива? Ответ на него будет не вполне ожидаемым. Буквально с первых недель 1961 г. практически все основные цеха и завод в целом не справлялись с плановыми заданиями. План четырех месяцев по валовой продукции был выполнен на 97%, по валовой — на 82,9%, причем первым вступивший в борьбу за звание коммунистического цех № 3 «отличился» выполнением плана только на 85,4% [8, л. 111-112].

В прочих цехах дела шли немногим лучше. В марте 1961 г. бригадир одной из первых на заводе бригад коммунистического труда Д. С. Рыкованов жаловался на партийном собрании: «На участке идет много брака, есть случаи пьянок среди рабочих. На рабочих местах работа организована плохо. Детали на рабочее место поставляются не вовремя, а тяжелые детали иногда приходится переносить вручную. Желательно, чтобы эти недостатки были устранены, а мы приложим все усилия к тому, чтобы наша бригада вышла в число передовых» [8, л. 79].

Устранить недостатки никак не удавалось ни в цехе № 9, ни в других цехах. К августу 1961 г., согласно отчетному докладу парткома, звания коммунистических на заводе добились уже 2 участка с охватом 44 чел., 27 бригад с охватом 136 чел., 30 ударников, однако план 7 месяцев по валовой продукции был выполнен на 91,8%, а по товарной — лишь на 66,9%. Только за 6 месяцев простой составили 2 261 чел./час. и одновременно использовано 36 920 сверхурочных часов. Констатировалось, что, несмотря на невыполнение плана, почти все цеха завода допустили перерасход металла и других материалов [10, л. 3, 30, 33-34]. Как отмечалось в решении партийного собрания от 23 августа 1961 г., особенно плохо работали коллективы цехов № 3, № 9 и № 10 [9, л. 26] — недавние маяки движения.

Как следствие, в течение года некоторые цеха трудились в тяжелых условиях, когда «временами было много работы, а иногда целыми днями бригады стояли без работы» [9, л. 78]. Подобный «рваный» ритм отнюдь не способствовал нормальному моральному климату в коллективе. Свидетельством тому явилось случившееся 28 июня 1961 г. чрезвычайное происшествие в цехе № 9, которое в протоколе заседания парткома характеризовалось как «допущение политической незрелости рабочими баржевого участка, выразившейся в оставлении работы... в течение 4-х часов». Речь шла о бригаде Д. С. Рыкованова.

Члены парткома причины «этого случая» усматривали в низком уровне трудовой дисциплины и воспитательной работы, проявлении в цехе «политической незрелости», слабом руководстве партийной и профсоюзной организаций, которые за два месяца так и не выяснили, кто «зачинщик срыва работы на участке». Партком рекомендовал завкому «рассмотреть возможность сохранения звания бригадой коммунистического труда за бригадой т. Рыкованова» [5, л. 70-74].

Профсоюзный комитет проигнорировал эту рекомендацию, однако свернул свою работу по расширению рядов бригад и ударников коммунистического труда: в условиях, когда завод выполнял план на 80-90%, было крайне затруднительно говорить о коммунистическом отношении к труду.

Сохранившиеся протоколы цеховых собраний и заседаний цехкомов позволяют утверждать, что в 1961 г. критерии оценки кандидатов на почетные звания не слишком изменились по сравнению с 1960 г. Бригаде Ф. С. Полевщикова ставилось в заслугу, что она «систематически перевыполняет производственные задания» и что «люди в бригаде очень хорошие» [18, л. 14-14 об.]. Труженики ремонтного цеха (№ 13) «показали себя с хорошей стороны», норму выработки выполняли на 118-120%, участвовали «в общественной жизни цеха». На компрессорном участке трудились «люди очень отзывчивые», которые «добросовестно относились к своей работе». Как большое достижение отмечалась хорошая дисциплина на участке и в двух бригадах энергоцеха № 12 [18, л. 40-50, 53-54 об.].

Технологи и конструкторы техотдела показали «хорошие образцы работы» и выполнили «свои обязательства, взятые ими во время соревнования», а о малярах из цеха № 11 было просто сказано, что они «вполне заслуживают» присвоения почетных званий [18, л. 60, 69].

По поводу двух бригад слесарей из цеха № 1 завком всего лишь располагал информацией, что «цеховой комитет совместно с администрацией цеха утвердили звание... в марте», однако выписка из цехкомовского протокола была подготовлена только 19 мая, т. е. буквально накануне заседания завкома [18, л. 72-72 об.].

Разделенные на пять бригад рабочие складского хозяйства, если верить протоколу их общего собрания, вступили в борьбу 12 июля 1960 г. Вскоре были составлены написанные словно под копирку (включая один и те же опечатки вроде «бробба» вместо «борьба») обязательства всех пяти бригад. Понятно, что содержание обязательств не отличалось оригинальностью: «выдавать материалы цехам своевременно в указанные сроки», «экономно расходовать электроэнергию», «строго соблюдать правила по технике безопасности» и т. д. Гуманитар-

ная составляющая сводилась к обещаниям «активно участвовать в общественной жизни завода» и «вести решительную борьбу с пережитками прошлого — пьянством, хулиганством и с проявлениями других дурных привычек» [17, л. 86-91].

В текстах обязательств бросается в глаза отсутствие пунктов об учебе, хотя по крайней мере часть складских работников явно нуждалась в повышении своего образовательного уровня. В архивном деле сохранились собственноручно написанные заявления двух бригадиров, адресованные цехкому складского хозяйства и датированные 13 января 1961 г.: «Просим вашего ходатайство перед заводским комитетом о присвоении нашей бригаде коммунистической. Пункты по обязательству взяты нами ранее все выполнены»; «Прошу Вас ходатайствовать перед завод. комитетом о присвоение нашей бригаде звание коммунистическова труда. Пункты пообязательству нами взятые ранее выполн.». Цеховое собрание, обсудив итоги работы обеих бригад, которые «с июля месяца по 30 января взятые обязательства выполняют успешно», в тот же день, 30 января, постановило: «ходатайствовать перед заводским комитетом» о присвоении бригадам почетного звания [18, л. 46-48].

В выписке из протокола состоявшегося 26 апреля 1961 г. расширенного заседания цехового комитета цеха № 9 сказано буквально следующее: «Постановили: Бригаде судосборщиков участка секционной сборки, руководимой т. Дмитриевым П. И., присвоить звание бригады коммунистического труда». Далее указаны четыре фамилии, после чего следует: «Присвоить звания ударников коммунистического труда следующим товарищам...» [20, л. 85-85 об.]. Выписки оказалось достаточно, чтобы десять членов завкома признали заслуживающей высокого звания бригаду, в которой трудился секретарь цеховой парторганизации А. И. Карнаухов.

Что касается кандидатов в ударники, то 13 июня А. И. Карнаухову пришлось лично рассказывать на заседании завкома об их достоинствах. Результатом стало постановление: «За хорошие производственные показатели и выполнение принятых обязательств присвоить звание ударников» всем 22 рабочим [20, л. 106-107].

Данный инцидент, по-видимому, послужил уроком для профсоюзных организаций других цехов. Во всяком случае, присваивая 6 сентября почетные звания в следующий — последний в 1961 г. — раз, члены завкома опирались на обстоятельный документ. В составленном 20 июля 1961 г. совместно с администрацией и парторганизацией цеха протоколе заседания цехкома цеха № 5 не только подробно изложены достоинства всех четырех кандидатов в ударники, но даже зачем-то указаны даты их рождения. Так, 19-летняя Г. А. Кузнецова трудилась в цехе «не очень долго». За время работы показала себя как хороший токарь и отзывчивый товарищ. Активно «участвует в общественной жизни цеха... и учится». Другой кандидат, 35-летний расточник А. С. Важенин, за время своей работы «не имел ни одного взыскания. Работу сдает только хорошего качества, помогает молодым рабочим». «Много лет» после окончания ремесленного училища проработала на заводе 25-летняя Н. А. Левченко, зарекомендовав себя исполнительным работником и отзывчивым товарищем. «За

все время у нее нет ни одного прогула. Любую работу она выполняет в срок. Помогает молодым рабочим». Токарь Г. А. Вольхин «обучил много учеников. Работает, не считаясь со временем. Если деталь очень срочная, то Вольхин работает до тех пор, пока не сделает. Помогает молодым рабочим» [16, л. 9].

Согласно сводной таблице, составленной в Управлении машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности Тюменского совнархоза, к 1 февраля 1962 г. на судостроительном заводе по-прежнему было 27 бригад коммунистического труда — столько же, сколько на остальных 9 заводах Тюмени вместе взятых. Кроме того, на заводе считались коммунистическими 2 участка численностью 44 человека. Только по количеству ударников (30) судостроители немного уступали коллективам заводов пластмасс, строительных машин и аккумуляторного завода [25, л. 30-31].

Пожалуй, самым успешным для завода за всю семилетку оказался 1962 г. План по валовой продукции был выполнен на 104,7%, по товарной — на 105,7% [11, л. 34]. Работа заводского коллектива неоднократно отмечалась вышестоящими организациями. Семь раз ему за итоги в социалистическом соревновании присуждалось первое место и переходящее Красное знамя горкома КПСС и горисполкома. «За работу во втором квартале — первое место и переходящее Красное знамя Совнархоза и Облпрофсовета», в третьем и четвертом кварталах — «первое место и переходящее Красное знамя Совета министров РСФСР и ВЦСПС» [10, л. 44; 14, л. 7].

В подобных благоприятных условиях о движении практически не вспоминали на партийных собраниях и заседаниях парткома, а завком начиная с марта ежемесячно на одном из своих заседаний присваивал почетные звания бригадам и ударникам. В отличие от прошлых лет, в 1962 г. кандидатов непременно представляли председатели цехкомов или начальники цехов. Их характеристики не отличались разнообразием и, как правило, сводились к положительной оценке производственной деятельности кандидатов. Одна бригада заслуживала почетного звания, т. к. работала без каких-либо замечаний и относилась к работе добросовестно; в членах других бригад видели «хороших товарищей, примерных, которые участвуют в жизни цеха и помогают в работе другим товарищам»; третьих хвалили за хорошее и отличное качество выпускаемой продукции; четвертые не только добросовестно относились к своей работе, но и участвовали в художественной самодеятельности; были и просто «отзывчивые товарищи, любящие свое дело и помогающие другим осваивать профессию».

Расширение рядов бригад и ударников происходило с разной интенсивностью. В марте почетное звание получила только 1 бригада из цеха № 22, в апреле — 29 ударников, 2 бригады и 1 смена из разных цехов, в мае — 4 пожарных и 4 шофера из цеха № 4, в июне — бригада слесарей-сборщиков из цеха № 3, в июле — бригада из 10 шоферов (цех № 4), в августе — 4 бригады и 16 ударников из цехов № 2 и № 9, в сентябре — 13 ударников (включая 5 пожарных), в октябре — 1 участок (23 человека) и 1 ударник из цеха № 17 и, на-

конец, в ноябре — 2 бригады (по 2 человека в каждой) и 12 ударников из цехов № 11 и № 16 [20, л. 195-196, 228-229, 234, 245, 273, 288-290, 294, 301, 317-318].

Всего за 1962 г. почетные звания получили 1 участок, 1 смена-бригада, 11 бригад и 79 ударников. Учитывая прошлогодние показатели, можно было бы подумать, что к концу 1962 г. количество бригад коммунистического труда на заводе достигло 38. Однако в отчетном докладе партбюро (15 ноября 1962 г.), в котором отмечалось, что в соревнование включились почти все коллективы цехов и отделов, за исключением цеха № 9, ЖКО, ОКС, ОТК, прозвучали довольно неожиданные цифры: «Участвуют в соревновании за звание ударников коммунистического труда — 102 чел., за звание бригад коммунистического труда — 81 бригада с охватом 676 чел., за звание участков коммунистического труда — 31 с охватом 1 676 чел. Всего в коммунистическом соревновании участвуют 2 919 чел., из них добились этого высокого звания 384 чел., в том числе 3 участка — 63 чел., 26 бригад — 150 чел. и 171 ударник коммунистического труда» [10, л. 74]. Из этого следует, что в течение 1962 г. добрая дюжина бригад, получивших почетное звание в 1960-1961 гг., по разным причинам распалась, а их бывшие члены были причислены к ударникам.

Сравнительно успешным для завода оказался и 1963 г. — как в выполнении производственных планов, так и в развитии движения. На первом после празднования Нового года заседании завкома, а именно 9 января, звание коллектива коммунистического труда получил небольшой энергоцех (цех № 12) — первый и последний на заводе цеховой коллектив, получивший почетное звание. Затем на четырех заседаниях (11 февраля, 11 марта, 10 и 23 апреля) присвоение почетных званий происходило, можно сказать, ударными темпами — без каких-либо обсуждений количество бригад коммунистического труда выросло на 9, а ударников — на 103. Среди последних оказались 47 (!) шоферов из цеха № 4 и 8 пожарных [20, л. 333, 360, 370-371, 419-421, 426-427].

Понятно, что при столь бурном росте ударников уровень предъявляемых к ним требований оказался сильно заниженным. Проведенное в мае совместное заседание администрации завода и завкома выявило многочисленные проявления «формализма и поспешности». К примеру, в цехах № 12 и № 4 одни и те же лица дважды представлялись для присвоения им звания сначала в составе коллектива одного участка, потом — другого; в цехе № 4 почетное звание получили двое работников, поступивших на завод лишь двумя месяцами ранее и т. д. [20, л. 472-474].

После суровой критики члены завкома взяли длительную паузу и отважились на очередное расширение рядов бригад и ударников коммунистического труда только 12 сентября [20, л. 541-542]. Всего за 1963 г. почетные звания получили 12 бригад и 120 ударников. Вместе с тем, как и в прошлом году, часть бригад распалась, а многие ударники покинули завод.

К чести руководства заводской партийной организации следует сказать, что оно отслеживало подобные изменения, хотя и не афишировало их. В отчетном докладе парткома (22 ноября 1963 г.) отмечалось: «Если в 1960 году в нашем заводе участвовало 258 человек, то сейчас количество участников за коммуни-

стический труд составляет 3 350 человек. В настоящее время борются за звание 113 бригад, 35 участков, 31 цех и отдел завода. 96 ударников соревнуются за право называться коммунистическими. Это высокое звание присвоено коллективу цеха № 12... 32-м бригадам, четырем участкам, 244 ударникам. Всего более 700 человек» [10, л. 108-109].

Последовавший 1964 г. не привнес в движение сколько-нибудь существенных новаций. Как и прежде, завком автоматически утверждал списки, имеющиеся в выписках из лаконичных и малосодержательных протоколов цеховых комитетов. Дело было поставлено на поток. К примеру, 7 февраля, после рассмотрения итогов работы завода в январе, члены завкома присвоили почетные звания 1 участку, 5 бригадам и 29 ударникам из 6 цехов. В другой день, 23 июня, итоги за прошлый месяц не подводились, поэтому на заседании присутствовали только члены завкома, которые сочли возможным расширить ряды обладателей заветных званий на 1 смену и 49 ударников и т. д. [22, л. 8, 28-31, 115-116]. В целом же всего за полугодие на заводе появилось 95 новых ударников — как мы помним, в ноябре 1963 г. считалось, что за это звание борются 96 человек.

Цеховые комитеты также не отличались принципиальностью. Иначе бы не пришлось сталкиваться с вопиющими случаями, когда в январе завком присваивает бригаде звание коммунистической, а 40 дней спустя рассматривает служебную записку начальника цеха и выписку из решения цехкома об увольнении с завода ее бригадира за моральное разложение бригады и неоднократные нарушения трудовой дисциплины, связанные с пьянкой [22, л. 41].

В мае 1964 г. — в процессе подготовки справки о развитии движения на заводе для представления в Тюменский областной совет профсоюзов — служащие отдела труда и заработной платы проделали титанический труд, составив полный список ударников и членов бригад коммунистического труда по цехам, с указанием точной даты присвоения званий и пометами типа «уволен», «в СА», «в другом цехе», «умер», «дважды», «пенсия» и даже «закл.» [ючение] [23, л. 4-40].

Занявший 37 листов тетради в линейку формата А4 список явно предназначался для «внутреннего потребления». Он показывает, что действительное количество бригад и ударников заметно уступало официальным данным. В сводной таблице Облпрофсовета фигурировали сведения, что на судостроительном заводе на 1 июля 1964 г. имелось 309 ударников и 43 бригады [27, л. 10].

Члены завкома в узком кругу 28 октября присвоили почетные звания 5 бригадам из цеха № 1 и 22 ударникам из того же цеха, а также из отдела кадров [22, л. 185-186]. Лебединой песней развития движения стало заседание завкома 24 декабря 1964 г., на котором звание ударника было присвоено сразу 69 рабочим и служащим, включая 13 грузчиц из цеха № 22 [23, л. 52-53].

Подписанная председателем завкома Г. Я. Голубевым и явно приуроченная к подготовке отчетного доклада парткома «Справка о соревновании за коммунистический труд на судостроительном заводе по состоянию на 15 ноября 1964 г.» была ориентирована исключительно на количественные показатели: «Коллектив завода с апреля месяца 1962 года борется за предприятие коммуни-

стического труда. За коммунистический труд борется 18 цехов, в них занято 3 456 рабочих, ИТР и служащих. В цехах — 48 участков, 185 бригад — в них занято 2 334 человек. Индивидуально за звание ударника коммунистического труда борются 486 человек. Отделов — 19, занято 848 человек, в том числе присвоено звание коммунистического труда энергоцеху. В цехах: 5-ти участкам — 79 ударников, 38 бригад — 195 ударникам. Индивидуально ударников коммунистического труда — 309 человек. В отделах присвоено звание коммунистического труда 7-ми бригадам, в них 24 ударника и индивидуально — 16 человек. Всего присвоено звание ударников коммунистического труда 623 чел., из них 79 коммунистов и 93 комсомольца» [23, л. 45].

В данной справке привлекает внимание три обстоятельства. Во-первых, даже председатель завкома запомнил, что коллектив завода включился в борьбу за звание предприятия коммунистического труда в апреле 1961, а не 1962 г. Во-вторых, на заводе по-прежнему делали ставку на коллективные формы движения: в пяти-тысячном коллективе даже формально стремились стать ударниками только 486 человек, включая 325 рабочих, ИТР и служащих, добившихся заветного звания. В-третьих, появление новых бригад коммунистического труда едва компенсировало развал бригад, получивших звание в предыдущие годы.

В справке об итогах 1964 г. предпринята попытка дать ретроспективную оценку развития движения на протяжении пяти лет. Из нее следует, что в 1960 г. звания ударников и членов бригад (участков) коммунистического труда получили 75 человек, в 1961 г. — 130, в 1962 г. — 181, в 1963 г. — 198 и, наконец, в 1964 г. — 291 человек. Всего — 875 человек, или 20,3 % от всех тружеников, из них 194 человека по разным причинам покинули завод [24, л. 126].

Из-за утраты протоколов завкома и большинства протоколов цехкомов за 1965 г. мы не можем подробно проследить ход движения на заводе в последний год семилетки, однако не слишком радужные перспективы его развития очевидны. В одном из архивных дел сохранился любопытный документ — оставшийся черновиком график с заголовком «Рост рядов ударников коммунистического труда». Согласно этим записям, в 1965 г. ряды ударников и членов бригад коммунистического труда пополнились только на 60 человек [23, л. 55] — при существенных потерях людей, ранее завоевавших почетные звания: по состоянию на 1 июня 1965 г. на заводе числились 1 цех, 5 участков, 1 смена, 45 бригад и 441 ударник коммунистического труда, а к концу года количество бригад и ударников сократилось соответственно до 43 и 428 [24, л. 147, 160, 168].

Примечательно, что в крайне лаконичном разделе о развитии движения в отчетном докладе парткома (19 ноября 1965 г.) использовавший текст прошлогоднего доклада секретарь парткома Г. Д. Малыгин не рискнул повторить предложение из 1964 г. («Люди, коллективы стали работать еще более творчески, инициативно»), но сохранил более нейтральное: «Движение за коммунистический труд позволило заводу добиться некоторых положительных результатов...» [10, л. 149, 170].

Наметившиеся тенденции сохранились и в следующем году: к осени 1966 г. на заводе остались 1 цех, 3 участка, 42 бригады и 424 ударника коммунистического труда [23, л. 71; 24, л. 160]. Г. Д. Малыгин, выступая 2 декабря 1966 г. с пространном докладом на отчетно-выборном партийном собрании, посвятил движению буквально два предложения: «Следует отметить, что за отчетный период заводской комитет профсоюзов недостаточно занимался соревнованием за коммунистический труд. В этом движении хоть и участвует весь коллектив завода, но формальностей очень много» [12, л. 86].

О вырождении движения на общегородском уровне свидетельствует крайне лаконичная характеристика, данная в феврале 1966 г. в отчетном докладе первого секретаря Тюменского горкома КПСС Ю. К. Меркулова на XXXI городской партконференции: «В городе ширится соревнование за коммунистическое отношение к труду. Сейчас в нем участвуют более 50 тысяч человек» [3, л. 9].

Заключение

После рассмотрения некоторых аспектов движения за коммунистический труд в годы семилетки на крупнейшем промышленном предприятии советской Тюмени — судостроительном заводе — напрашивается вывод, что движение оказалось довольно эффективным средством морального стимулирования повышения производительности труда работников. Начавшись по инициативе заводской партийной организации и под руководством заводского комитета профсоюза, движение объединяло в разные периоды бригады рабочих, сумевших добиться неплохих результатов по выполнению взятых на себя обязательств. Однако довольно быстро стали выявляться и всякого рода недостатки в организации, подведении итогов социалистического соревнования, в присвоении почетных званий бригадам, участкам, цехам и отдельным работникам. Изучение архивных данных позволяет говорить о фактической гонке за количественными, а не качественными показателями, о том, что действительное количество бригад и ударников заметно уступало официальным данным, а само движение за коммунистический труд на отдельно взятом заводе, несмотря на масштабность замысла, с каждым годом приобретало все более формальный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. / Ф. Бродель. М.: Прогресс, 1986. Том 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. 551 с.
2. Ван дер Линден М. Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения / М. ван дер Линден // Социальная история. Ежегодник, 2000 / отв. ред. К. М. Андерсон, Л. И. Бородкин, А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2000. С. 206-219.

3. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1459.
4. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 296. Оп. 3. Д. 15.
5. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 296. Оп. 3. Д. 16.
6. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 296. Оп. 3. Д. 17.
7. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 296. Оп. 3. Д. 18.
8. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 296. Оп. 3. Д. 19.
9. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 296. Оп. 3. Д. 20.
10. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 296. Оп. 3. Д. 21.
11. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 296. Оп. 3. Д. 24.
12. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 296. Оп. 4. Д. 3.
13. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 3911. Оп. 1. Д. 227.
14. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 3911. Оп. 1. Д. 402.
15. Государственный архив Тюменской области. Ф. 969. Оп. 1. Д. 395.
16. Государственный архив Тюменской области. Ф. 969. Оп. 1. Д. 418.
17. Государственный архив Тюменской области. Ф. 969. Оп. 1. Д. 419.
18. Государственный архив Тюменской области. Ф. 969. Оп. 1. Д. 458.
19. Государственный архив Тюменской области. Ф. 969. Оп. 1. Д. 459.
20. Государственный архив Тюменской области. Ф. 969. Оп. 1. Д. 460.
21. Государственный архив Тюменской области. Ф. 969. Оп. 1. Д. 468.
22. Государственный архив Тюменской области. Ф. 969. Оп. 1. Д. 532.
23. Государственный архив Тюменской области. Ф. 969. Оп. 1. Д. 540.
24. Государственный архив Тюменской области. Ф. 969. Оп. 1. Д. 552.
25. Государственный архив Тюменской области. Ф. 1724. Оп. 1. Д. 815.
26. Государственный архив Тюменской области. Ф. 1724. Оп. 4. Д. 61.
27. Государственный архив Тюменской области. Ф. 2073. Оп. 1. Д. 62.
28. Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электростанции в советском обществе 1920-1930-х гг. / С. В. Журавлев. М.: РОССПЕН, 2000. 352 с.
29. Журавлев С. В. Микро- и макроподходы в изучении советского прошлого: проблемы, источники и методы исследования: материалы к спецкурсу / С. В. Журавлев. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 24 с.

30. Копосов Н. Е. О невозможности микроистории / Н. Е. Копосов // Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 248 с.
31. Людтке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Людтке. М.: РОССПЭН; Германский исторический институт в Москве, 2010. 271 с.
32. Поляков Ю. А. Человек в повседневности (исторические аспекты) / Ю. А. Поляков // Отечественная история. 2000. № 3. С. 125-132.
33. Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального / Ж. Ревель // Одиссей. Человек в истории. 1996. М.: Наука, 1996. С. 110-127.
34. Соколов А. К. Драма рабочего движения и перспективы рабочей истории в современной России / А. К. Соколов // Социальная история. Ежегодник, 2004 / отв. ред. К. М. Андерсон, А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2005. С. 7-52.

Sergey S. PASHIN¹
Natalia S. VASIKHOVSKAYA²

UDC 94(571.12)+621.3

**THE DEVELOPMENT OF THE MOVEMENT
FOR THE COMMUNIST LABOUR
AT THE TYUMEN SHIPBUILDING PLANT
IN DAYS OF THE SEVEN-YEAR PLAN (1959-1965):
THE EXPERIENCE OF MICROHISTORICAL STUDY**

¹ Dr. Sci. (Hist.), Professor,
Department of Homeland History,
University of Tyumen
pashin-s@yandex.ru

² Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor,
Department of Homeland History,
University of Tyumen
vasichovskaya@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the movement for communist labour at the Tyumen Shipbuilding Plant during the period of the seven-year plan (1959-1965). The authors seek to fill a historical narrative with the particular facts connected with the peculiarities and specifics of such phenomenon as the movement for communist labour. They consider it in the context of microhistory and as the most important element of production routine. The employees of the largest industrial enterprise of Soviet Tyumen — Shipbuilding Plant in concrete historical circumstances came under the spotlight of the authors. The submitted article is written with attraction of a wide range of archival documents, taken from the funds of the State Archive of the Tyumen Region and also funds of the State Archive of Socio-Political History of the

---

Citation: Pashin S. S., Vasikhovskaya N. S. 2019. “The development of the movement for the communist labour at the Tyumen shipbuilding plant in days of the seven-year plan (1959-1965): the experience of microhistorical study”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 5, no 2, pp. 153-172.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-153-172

Tyumen Region. Having studied the documents the authors come to conclusion that the movement for communist labour had little effect on the production progress of the plant employees.

Keywords

Movement for communist labour, Tyumen Shipbuilding Plant, seven-year plan, production routine, microhistory.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-153-172

REFERENCES

1. Brodel F. 1986. *Material Civilization, Economics, and Capitalism, 15th-18th Centuries*. Vol. 1. *The Structures of Everyday Life: Possible And Impossible*. Moscow: Progress. [In Russian]
2. Van der Linden M. 2000. "Motivation of labor in the Russian industry: some preliminary judgments". In: Anderson K. M., Borodkin L. I., Sokolov A. K. (eds.). *Social History Yearbook*, pp. 206-219. Moscow: ROSSPEN. [In Russian]
3. State Archive of Socio-Political History of the Tyumen Region. F. 7. Op. 1. D. 1459. [In Russian]
4. State Archive of Socio-Political History of the Tyumen Region. F. 296. Op. 3. D. 15. [In Russian]
5. State Archive of Socio-Political History of the Tyumen Region. F. 296. Op. 3. D. 16. [In Russian]
6. State Archive of Socio-Political History of the Tyumen Region. F. 296. Op. 3. D. 17. [In Russian]
7. State Archive of Socio-Political History of the Tyumen Region. F. 296. Op. 3. D. 18. [In Russian]
8. State Archive of Socio-Political History of the Tyumen Region. F. 296. Op. 3. D. 19. [In Russian]
9. State Archive of Socio-Political History of the Tyumen Region. F. 296. Op. 3. D. 20. [In Russian]
10. State Archive of Socio-Political History of the Tyumen Region. F. 296. Op. 3. D. 21. [In Russian]
11. State Archive of Socio-Political History of the Tyumen Region. F. 296. Op. 3. D. 24. [In Russian]
12. State Archive of Socio-Political History of the Tyumen Region. F. 296. Op. 4. D. 3. [In Russian]
13. State Archive of Socio-Political History of the Tyumen Region. F. 3911. Op. 1. D. 227. [In Russian]
14. State Archive of Socio-Political History of the Tyumen Region. F. 3911. Op. 1. D. 402. [In Russian]
15. State Archives of the Tyumen Region. F. 969. Op. 1. D. 395. [In Russian]
16. State Archives of the Tyumen Region. F. 969. Op. 1. D. 418. [In Russian]
17. State Archives of the Tyumen Region. F. 969. Op. 1. D. 419. [In Russian]

18. State Archives of the Tyumen Region. F. 969. Op. 1. D. 458. [In Russian]
19. State Archives of the Tyumen Region. F. 969. Op. 1. D. 459. [In Russian]
20. State Archives of the Tyumen Region. F. 969. Op. 1. D. 460. [In Russian]
21. State Archives of the Tyumen Region. F. 969. Op. 1. D. 468. [In Russian]
22. State Archives of the Tyumen Region. F. 969. Op. 1. D. 532. [In Russian]
23. State Archives of the Tyumen Region. F. 969. Op. 1. D. 540. [In Russian]
24. State Archives of the Tyumen Region. F. 969. Op. 1. D. 552. [In Russian]
25. State Archives of the Tyumen Region. F. 1724. Op. 1. D. 815. [In Russian]
26. State Archives of the Tyumen Region. F. 1724. Op. 4. D. 61. [In Russian]
27. State Archives of the Tyumen Region. F. 2073. Op. 1. D. 62. [In Russian]
28. Zhuravlev S. V. 2000. "Small People" and "Big History": Foreigners of the Moscow Elektrozaovod in the Soviet Society in the 1920s-1930s. Moscow: ROSSPEN. [In Russian]
29. Zhuravlev S. V. 2001. Micro and Macro Approaches in the Study of the Soviet Past: Problems, Sources, and Methods of the Research. Materials for the Special Course. Moscow: Editorial URSS. [In Russian]
30. Kopusov N. E. 2005. "On the impossibility of microhistory". Stop Killing Cats! Critique of Social Sciences. Moscow: Novoe literaturnoye obozrenie. [In Russian]
31. Lyudtke A. 2010. The History of Everyday Life in Germany: New Approaches to the Study of Labour, War, and Power. Moscow: ROSSPEN; German Historical Institute Moscow.
32. Polyakov Yu. A. 2000. "Man in daily life (historical aspects)". National History, no 3, pp. 125-132. [In Russian]
33. Revel Zh. 1996. "Micro-historical analysis and the construction of social". In: Odysseus. The Man in History, pp. 110-127. Moscow: Nauka. [In Russian]
34. Sokolov A. K. 2004. "The drama of the labour movement and the prospects of labour history in modern Russia". In: Anderson K. M., Borodkin L. I., Sokolov A. K. (eds.). Social History. Yearbook, pp. 7-52. Moscow: ROSSPEN. [In Russian]